

Слова второго мастера погрузили всю семью в молчание.

Потребовалось много времени, чтобы Ни Сунь оправилась от шока и начала паниковать. “Как такое может быть? Как император может быть таким жестоким? Дочь Инин - молодая девушка, и хотя он не может жениться на ней по воле народа, он не может разрушить остаток ее жизни!”

Цвет также сошел с лица старой вдовы. После того, что произошло и их семья лишилась стольких потомков, она еще больше ценила оставшихся. Цинь Инин была единственной официальной дочерью ее любимого первенца, и она надеялась, что девушка после входа во дворец приведет их семью к новым вершинам. А вместо этого произошло такое несчастье??

“Эти воры Великого Чжоу невозможны! Зачем они это сделали?? Причинять вред другим, не получая от этого пользы, и сделать так, чтобы моя внучка Инин не смогла быть императрицей! Боже, почему моя жизнь так тяжела? Почему это так сложно?? Старая вдова завывала и стала бить себя в грудь.

Вторая мадам тоже вытерла слезы. “Великий Чжоу неблагороден, а люди глупы, чтобы верить этим слухам. Наша бедная племянница вляпалась во все это! Она только созрела, но должна быть монашкой всю жизнь?”

НИ Сунь судорожно схватила руку Цинь Хуайюаня. “Милорд, придумайте что-нибудь! Что будет делать наша дочь? Бедная наша дочь!”

Все выжидающе посмотрели на маркиза. Его положение главы семьи еще более укрепилось после нескольких потрясений, и семья доверяла ему еще больше.

Цинь Хуайюань торжественно нахмурился. “Пока нет необходимости паниковать. Император, возможно, приказал дочери и войти в монашескую жизнь, не отрезая ей волос, но она не в официальных записях. Она также живет в королевской резиденции, которая только временно получила новое имя. Дочь Инин пока только получила новое имя.”

Его слова успокоили семью и заставили их умы снова работать.

У каждой школы или храма были свои правила. Те, кто подписывался на какую-либо конкретную школу, делились на монашеских даосов и мирян.

Монашеским даосам нужно было жить в религиозном учреждении, воздерживаться от мяса и вина, воздерживаться от брака. По этой тропинке шла Жрица Лю.

Миряне-даосы пользовались гораздо большей свободой. Они могли жить в монастыре или в храме, или в другом месте. Они могли наслаждаться мясом и вином и жениться, если хотели. Те, кто следовал этому пути, придавали большое значение тому, чтобы сын взял на себя семейный бизнес и семейное наследие.

После хладнокровного анализа Цинь Хуайюаня все поняли что произошло.

“Похоже, император все еще нацелен на племянницу Инин.” Третий старший мастер, все это время молчавший, нахмурился. “Если бы он действительно не хотел, чтобы она вышла замуж, он мог бы заставить ее стать монахиней-Даосом. Но он только назначил ее духовным учителем,

оставив ему пространство для маневра.”

“Точно. Старая вдова расслабилась, ее печаль сменилась радостью. “Значит, император приказал королевской резиденции сменить название на храм Сюань Су, чтобы ему было удобно? Значит, он все еще благоволит моей внучке, но вынужден делать все это только по воле народа?”

Однако маркиз был не так рад, как старая вдова. “Ничего хорошего в этом нет. Кем станет дочь Инин, если император действительно добьется своего? Она будет мирянином Даосом в обществе и любовницей императора наедине? Моя дочь не потерпит такого унижения!”

Ни Сунь заскрежетала зубами, ее глаза налились кровью. “Разве император не боится, что его подданные потеряют веру и доверие к нему, если он это сделает? Это явный признак того, что его развратные надежды еще не умерли!”

“Следи за своими словами, старшая невестка!” Старая вдова резко упрекнула Ни Сунь. “Император не из тех, о ком можно так говорить!”

Но Ни Сунь не отступала. “Моя дочь вынуждена стать любовницей. Могу ли я не возмущаться по этому поводу?”

“Ты - дура! Старая вдова ударила Ни Сунь по руке. “Подумай об этом, это же император! Он был вынужден отдать этот имперский несправедливый приказ для внучки Инин. Он будет чувствовать вину перед нашей семьей и захочет загладить свою вину! Наша семья пострадала от стольких бедствий, и Мэн Эр пережил великие взлеты и падения. У него наконец-то есть шанс все изменить и выйти на первое место! Все это очень хорошо!”

Вторая мадам опустила глаза, оставаясь невозмутимой. Ее мысли были похожи на мысли старой вдовы, но, говоря прямо, они молчаливо соглашались на то, что дочь Цинь станет королевской любовницей, чтобы завоевать благосклонность императора и добиваться возмещения вины. Как могут родители заставить свою дочь делать такое. Только старая вдова могла так поступить.

Третий старший мастер никогда не был фаворитом старой вдовы и уже оплакивал потерю жены и ребенка. Критика выбора клана Вэйчи уже давно бросила в нем свое семя и когда он услышал слова старой вдовы, он медленно, с явным раздражением ответил.

“Мама, твои слова неуместны. Наша племянница Инин является официальной дочерью Цинь и единственным ребенком старшего брата. Как мы можем позволить ей такое унижение, как стать любовницей императора? Кроме того, брат много лет плывал в придворных морях. Он уже достиг своих позиций — нужно ли ему продавать дочь, чтобы сохранить их?”

Второй старший мастер тоже кивнул. Он никогда не согласится на что-то подобное даже если бы его дочь родила наложница.

Пепельная от гнева матриарх яростно спорила: “Она обязана семье Цинь за то, что мы кормим ее и одеваем. К тому же, наша семья претерпела столько страданий из-за нее, не пора ли ей отплатить?”

Все собравшиеся смотрели то на старую вдову, то на Ни Сунь и Цинь Хуайюаня.

Ни Сунь уже готова была разразиться бранью, но супруг остановил ее взмахом руки. С мрачным лицом он обратился к старой вдове.

Наконец-то я понял, что мама имела в виду. Ты обвиняешь мою дочь, мама? Ты должно понимать, что учитывая мое положение, рано или поздно нам пришлось бы столкнуться с врагами и нападениями. Дочь Инин просто сделали крайней. Сегодня это был Великий Чжоу, завтра – татары. А потом появится кто-то еще и каждый раз мы будем искать кого обвинять в наших бедах?”

“Мэн Эр, ты...”

“В конце концов, это я притащил сюда всю семью. Мы могли бы разделить судьбу вместе, но оказывается, когда нам приходится разделять страдания, обида только растет.”

“Не говори так, старший брат!” Поспешно возразил третий старший мастер. “В этом нет ничьей вины. Если нам и нужно винить кого-либо, то это императора Великого Чжоу!”

Старая вдова вспыхнула! Она никогда не думала, что ее сын скажет что-то подобное!

“Я придумаю, как разобраться с делом дочери Инин. Если мама все еще хочет, чтобы моя дочь бесславно служила императору, то ты, должно быть, все еще винишь меня в том, что я навлек беду на ваши головы. Если это так, то я больше не смею тащить семью за собой. Я могу переехать только с женой и дочерью.”

Семья не распадается, пока родители живы. Вот почему совершенно сытой по горло Цинь Хуайюань только сказал, что съедет, и не сделал ни шагу дальше, и сказал, чтобы разделить семейную собственность.

То, что он предлагает не оскорбляет нравы и благочестие, но на самом деле это было на самом деле разделение семьи на две части.

“Старший брат!” Второй и третий старшие мастера запаниковали.

Вторая мадам и матушка Цинь тоже были ошарашены. Они не думали, что Цинь Хуайюань скажет такие вещи ради Цинь Инин.

Старая вдова была одновременно разгневана и разъярена. Она хлопнула рукой по столу. “Прекрасно, прекрасно! Ты бросаешь мать ради дочери! Если мое мнение больше никого не волнует, то я больше не скажу ни слова и меня не волнует, что случится с каждым из вас!”

Хотя все было сказано на эмоциях, но по факту это было отступление.

Это шаг назад смягчил выражение лица Цинь Хуайюаня. “Не беспокойся, мама. Я не хочу, чтобы моя дочь служила какому-либо мужчине таким унижительным образом, и не позволю ей страдать от позора. Он повернулся к Ни Сунь. “Скажи тем, кто служит нашей дочери в почетном учебном зале, чтобы упаковали ее вещи. Затем они сопровождают меня в королевскую резиденцию.”

“Можем ли мы посетить двор без императорского указа?” Ни Сунь беспокоилась о возможных последствиях.

Цинь Хуайюань торжественно ответил: “император сказал, что наша дочь должна практиковать даосизм, но не сказал, что мы не можем ей ничего послать.”

“Совершенно верно. Радость согрела сердце мадам. “Милорд, я хотел бы пойти с вами.”

“Хорошо, тогда пойдем вместе.”

<http://tl.rulate.ru/book/13071/477901>